

Едва ли, однако, основной акцент книги делался на иступленной русофобии. Скорее она была своего рода современным взглядом представителя финской интеллигенции на чистилище Зимней войны. Ее необычайно эмоциональный заряд объясняется собственным прошлым автора. Призраки замка ужасов оказывались настоящими и преследовали писателя. Возможное предательство фронта Зимней войны угрожало ему еще более реальным, совершенно конкретным уничтожением. В конце концов, восточная граница сохранилась. Финляндия претерпела ампутацию, но ее интеллигенция спаслась и, может быть, спасла свою душу. Это война в корне поменяла отношения между социальными классами. Рабочий класс освободился от стигмы пособника русских, которую он получил в 1917–1918 гг.

Русофобия и классовая ненависть: модные идеи одного времени

Ненависть и ее острая форма, гнев, пожалуй, относятся к генетически важнейшим человеческим чувствам наряду с половым влечением и любовью. Без сомнения, они — те побуждающие силы, которые направляют развитие вида и свойственны любому виду животных. Борьба предполагает агрессию, ненависть есть то эмоциональное состояние, которое предполагает борьбу, хотя, понятно, с точки зрения достижения главной цели она может довести до крайностей. Слепленный гневом Арес ринулся в борьбу с хладнокровно-расчетливой Афиной Палладой. Именно Арес символизирует ненависть, Афина — изворотливость, стратегию, предполагающие первостепенную значимость рассудка. Аристотелевская умеренность в эмоциях, пожалуй, гарантирует успех. Но в мудрости, разработке стратегии не следует ли также оставаться умеренным? Если уловки утрачивают свою практическую значимость, они не осуществляются, т. к. им недостает необходимого веса. Победа в сражениях всегда представляла особый интерес для человека, как ради сохранения вида, так и ради собственного успеха.

Однако со временем ненависть стала интересовать мыслителей и исследователей. По мнению Аристотеля, дело заключалось в желании уничтожать, говоря современным языком, устранять угрозу. Ныне ненависть — фобия — кажется, вызывает скорее юридический интерес, однако, ее причины и формы достойны исследова-

ния, т. к., несмотря на противозаконность, ее значение отнюдь не уменьшилось.

Гнев, ненависть, кажется, скорее, подразумевают активную фазу фобии, которая вообще связана с травмой, извне нанесенным ударом. Проявленная в это время необузданная ненависть во всем считается непристойной, включая высокую культуру и так называемую молодежную культуру. Католическая церковь причисляет ее к одному из смертных грехов, а святой Августин считал ее непобежденным изначальным грехом, который можно найти и у малого дитяти.

Предполагается, что в цивилизованном обществе человек сдерживает как половое влечение, так и ненависть, по крайней мере, воздерживается от их явного проявления, хотя и первое, и вторую целиком подавить невозможно. В буддизме к этому стремятся, но уже на основании роста численности населения можно сделать вывод, что результаты нельзя считать существенными.

Буддистская идея об уничтожении изначальных инстинктов человека в качестве идеала, разумеется, очень радикальна, а у радикальных идей есть свойство превращаться в свою противоположность. Принадлежавший в Финляндии к поклонникам буддизма известный Юрьё Каллинен¹ охотно ссылался на индусскую идею, согласно которой вся природа суть единое, и ее практическое истолкование, согласно которому люди жестко разделены на касты, которым нельзя даже соприкоснуться друг с другом. Это можно считать образцом того, как чрезмерность извращает хорошую идею, превращаясь в ее противоположность. Этому уже учил Аристотель. Вероятно, было бы неплохо, если бы пристроившиеся на фалдах «зеленого» движения адепты всяких «измов» — от сторонников строгого вегетарианства до феминисток — смогли бы сдержанно поразмышлять, где проходит та граница, которая отделяет умеренность от неумеренности, а величественное от смешного.

Криминализация фобии — примечательный и важный знак времени. Заслуживает большого внимания то, что фобия как мотив в современной западной культуре стала основанием для ужесточения наказания. Как право способно оценить эмоциональное состояние человека или даже его чувства? Сам акт разве не является тем единственным фактом, который устанавливается законом в отношениях между людьми? Входят ли представления из духовной жизни

¹Юрьё Хенрик Каллинен (1886–1976) — финский социал-демократ, политик, увлекался дзен-буддизмом.

человека в сферу уголовного закона? Осуществляется ли пророчество Оруэлла? Проведение особых «дней любви» начинает считаться воплощением доброго принципа? Или предполагается, что чистый запрет приведет к переменам и в реальном мире?

Для понимания вопроса необходимо, пожалуй, напомнить, что еще совсем недавно подогреванию ненависти отводилась важная роль. В ее политическую значимость и пригодность использования верили основательно, и когда ее однажды сочли полезной, логичным стало и прославление ее. В настоящее время все хорошо испытанное преподносится высоко, и сомнительные утверждения принимаются за правду только потому, что считаются служащими благим целям.

Политические доктрины, которые доказывали, что антагонизм и борьба имеют огромное значение для достижения исторического прогресса, разумеется, делали ненависть средством. Особенно характерной эта идея была для марксистской диалектики, рассматривавшей весь процесс прогресса как результат борьбы противоположностей. Направленная на противника ненависть являлась, согласно этой идее, направленной на свою собственную сторону и отражающей ее принципы любовью. Ненависть была оборотной стороной любви и необходимой компенсацией. Эту основную мысль усвоили и вне марксизма. Логически ненависть можно было истолковать как любовь также на основе манихейства, без настоящей диалектики: ненависть к злу неизбежно являлась направленной на добро любовью, т. к. все мироздание резко разделено на зло и добро. Кто не помнит, как «пылающий куст» Академического Карельского общества Элиас Симойоки¹ эмоционально писал после восстания в Карелии: «Ненависть и любовь! Смерть рюсся, какого бы цвета они не были. Именем пролитой нашими праотцами крови, смерть разрушителям и губителям наших домов, наших близких и нашей родины... пусть сегодня призывный зов святой любви и ненависти пронесется на родине племени Куллерво, любимой родине». В мире человека, получившего духовное образование, земное и небесное воинство смешались, и на плечи земного противника, русских, была возложена роль врага неба, т. е. Сатаны. Явно нехристианским было делить людей на нации козлиц и овец, но церковь и ее слуги всегда умели действовать в духе времени.

¹ Лаури Элиас Симойоки (1899–1940) — один из основателей АКС, пастор прихода Киурувеси, депутат эдускунты (парламента) от Патриотического народного движения, председатель праворадикальной молодежной организации «Сине-черные» (1933–1936).

Это действительно было духом времени и нормальной отправной точкой в политике начала 1900-х гг. У этого явления, разумеется, была религиозная предыстория, восходящая к раннему христианству, но примеры для сравнения можно найти и в более поздние времена. Духовные упражнения Игнатия Лойолы были направлены на создание требуемых эмоциональных состояний в размышлениях о борьбе с укоренившейся ересью. В кругах католической церкви греху и земным грешникам и их политическим системам ненависти временами отводилась большая роль, протестанты были не лучше. У протестантов, правда, верили в непостижимую умом мудрость Всевышнего, так что, в принципе не было невозможным то, что Он смилостивится над оказавшимися вне общины еретиками. Из великих религий ислам всегда был наиболее последовательным и четким в вопросе ненависти, часто повторяющиеся в нем слова о милости и милосердии в самом учении не получили своего покровя. В этом отношении он не очень далек от своего предшественника и основного источника — иудаизма.

Более точно, неинтеллектуально проповедь ненависти превратилась в требование относиться к человеку по тем категориям, которые они представляли. То, что человек как индивид был добр, не помогало: его следовало ненавидеть, если он принадлежал к ненавидимому народу. Элмо Э. Кайла, основной проповедник ненависти в АКС и брат русофила и «московского магистра» Тойво Т. Кайла, представлял дело следующим образом: «...пусть какой-то рюсся и достоин восхищения и любви — он все-таки рюсся и рано или поздно зверь вылезет из-под глянцевого и гладкой шкуры. Так как благодаря крови своей и в силу этой крови никто не отделается от сущностных свойств своей расы!» Кайла также указывал на то, насколько финская интеллигенция заблуждалась в своем восторге от русской литературы: «И потом, русская литература, о которой так много говорили — Толстой, Достоевский и другие — ничего не создает, но все разрушающее, рвущее, ломающее разум — от истинно русских!» Основной проблемой «рюсся», по мнению Кайла и многих других финнов, после событий 1917–1918 гг., было «отсутствие чувства ответственности». Согласно радикальному толкованию Кайла, без этого чувства «человек и не человек вовсе, а животное».

Следуя логике Кайла, следовало бы воскликнуть: «Святая ненависть — евангелие спасения и жизни!» Мысль сводилась к тому, что ненависть способна изменить мир, она придаст силу, когда возникнет угроза нападения с мерзкого Востока. В соответствии

с этой логикой, свойственной и германским нацистам, всякие истории о восточном соседе хороши, если они усиливают ненависть. Если кому-то доводилось читать прагматические философские сочинения американцев или итальянцев, он мог бы добавить, что эти истории имели практическое применение, т. к. действенность была единственным возможным критерием истины.

Проповедь ненависти со стороны АКС была вовсе не их собственным изобретением, но товаром своего времени. Она четко показала родство с другой современной проповедью политической ненависти, т. е. с коммунизмом, и ее первоначальная форма может быть найдена в нем. Описанная историком Яри Эрнроотом «архаичная ненависть», которую сеяли и возбуждали в Финляндии старые социал-демократы, вела свое происхождение прямо от основателей «научного социализма». Уже у Маркса и Энгельса классовой ненависти придавалась огромная прогрессивная роль, и Ленин построил многое в своем учении именно на этом человеческом чувстве, которое каждый угнетенный и оскорбленный способен впитывать в себя. В центре ленинской проповеди освобождения было подавление прежних привилегированных классов. Только после того, как каждый бедняк сможет увидеть, что прежние богачи и господа оттеснены в низы общества и вынуждены жить в нужде, только тогда он действительно уверует в особую природу новой власти. Тем самым Ленин предложил большевикам везде соперничать за тех, кто способен придумывать наиболее эффективные и показательные способы действий, которыми можно было бы терроризировать и уничтожать прежние господствующие классы. В «Красной коннице» Исаака Бабеля некий человек придумал, как пытать своих противников долгое время, чтобы те не могли слишком легко отделаться. В демонстрации зверства и ненависти стороны в гражданской войне в России достигли небывалых высот, о чем читатель может получить представление при знакомстве с историей периода революции по тем документам, которые опубликованы в известной книге Орланда Фиджеса. Ненависть как элемент политического прогресса и как *desideratum* была канонизирована в Советском Союзе в 1930-е гг., между прочим, благодаря Максиму Горькому. Периодом ее расцвета были в советской культуре 1930–1940-е гг. Это вполне понятно на фоне чрезмерного кровопролития, пришедшегося на это время. Следует отметить, что помимо одобрения и придания ценности ненависти как эмоции особо указывалось на ее политическую целесообразность. Для пролетариата она стала странным подарком, который фея прогресса приготовила для него.

Однако ненависть — это естественное чувство для всех тех, кто испытывает угрозу или обиду. Ее лавина, обрушившаяся в «белой» Финляндии даже на «лучшую сторону» общества, определенно была вызвана теми угрозой и унижением, которые в 1917 г. и после привели к гражданской войне. Вооруженное восстание финского пролетариата против «лучшей части» своего народа по примеру русских и с их помощью вызвало психологический шок, который не следует банализировать ссылкой на относительно небольшое количество жертв в сравнении с масштабами репрессий. Также значение русских в событиях нельзя исчислять количеством солдат на фронте. Угроза и гнев — ключевые слова.

Ненависть и страх — близкие родственники. Вместо ворчания маленькая собака может реагировать заискиванием перед тем, кто создает очень большую угрозу, и бросается, когда тот поворачивается спиной. Стратегия, в целом, действенная. После 1918 г. такая реакция на восточного соседа в Финляндии была невозможна. Психологически Россия и все русское стали означать противоположность тому, что считалось поддерживающим организованное общество. Право, законность, правда, нравственность были для господствующих классов народа не относительными понятиями, о которых можно рассуждать, а абсолютными истинами. Народ продолжали раздирать противоречия, которые не признавались, как говорил Ральф Дарендорф. Поэтому, упорядочивание было почти невозможно. Единодушие периода Зимней войны на этом фоне было едва ли не чудом. Совершенно удивительным оно было потому, что со стороны восточного соседа из этой войны попытались сделать победоносный вариант 1918 г., о чем свидетельствовало заявление Финляндской компартии в самом начале войны. Разумеется, Маннергейм, со своей стороны также прямо отдал приказ, в котором обращался к той же самой теме. Былая ненависть теперь, однако, не вспыхнула, но родилась новая.

В Советском Союзе нашла свой приют нелегальная компартия Финляндии, которая не скрывала своего стремления создать советскую Финляндию. Она была основана в Москве в 1918 г. и в Финляндии действовала подпольно. Ее агенты выполняли в Финляндии разные задачи, вплоть до военного шпионажа и подготовки саботажа, которые без каких-либо затруднений можно было назвать предательскими. Это движение получало подпитку в ненависти и желании мести, имевших широкую и реальную основу в событиях 1918 г. Отто Вилле Куусинен, коварный *аппаратчик*, от которого «во время Большого террора» 1930-х гг. партийные товарищи

не получили просимой помощи, теоретизировал в вульгарном духе времени о прогрессивном значении ненависти и приходил к ожидаемому результату, что ненависть была двух видов: прогрессивной и реакционной. Первая была классовой ненавистью пролетариата, способствовавшей прогрессу и порождавшей массовый героизм, вторая была соответствующим явлением с реакционной стороны, ее можно было лишь презирать. В духе Максима Горького Куусинен подчеркивал позитивную ценность ненависти. Это, между прочим, присутствовало в литературных текстах, так что их позиции могли считать правильными. Недостаточное количество ненависти могло сделать тексты политически некорректными. С марксистской точки зрения, вывод, разумеется, был вполне логичным. Духа Нагорной проповеди с ее гуманизмом, понятно, ожидать не следовало, т. к. все должно было быть взвешено в соответствии с тем, кому это было полезно, а ложно направленная любовь было на благо реакции. Прогресс рождался только в борьбе, и эту борьбу питала ненависть.

В опубликованной в 1961 г. книге «Наше великое столетие» Куусинен типично описывал дело: «Таким образом, глубокая человеческая любовь — это поле исторической борьбы, находящейся в неразрывной связи с классовой революционной ненавистью угнетенных. Совершенно неверно полагать, что всякая ненависть одного и того же качества. Это не так. Ненависть имеет два качества, низкое и возвышенное. Низкая ненависть коренится в эгоизме, алчности и желании угнетать. Это реакционная ненависть, принижающая ценность человека. Возвышенная ненависть основывается на традиции свободы и общего счастья угнетенных и эксплуатируемых классов. Она порождает массовый героизм. Она — могучая сила исторического прогресса. Эти мысли выкристаллизовались у меня тогда, летом 1919 года, в одном-единственном предложении: *Святая ненависть — это святая любовь*».

Зная о присущих народному характеру финнов негативности и злопамятности, о которых свидетельствуют столь многие классические описания и исследования, можно понять, что у ФКП было очень благодатное поле деятельности, чтобы вызвать у финнов ненависть к угнетателям.

Все-таки в 1939 г. политическая расстановка сил быстро сменилась после неожиданной «помолвки» Гитлера и Сталина, когда Финляндии конкретно угрожало нападение. Разумеется, угроза и порожденный ею гнев повлияли гораздо сильнее, чем давние ненависть и неприязнь, которые по разным причинам явно испытывали

к себе разные слои населения. Предлагавшаяся АКС в качестве национального спасения «ненависть к рюсся», пожалуй, по своему значению, в конце концов, оказалась вторичной и скорее связанной с литературными играми тонкого слоя интеллигенции. Элмо Э. Кайла, который выступал в роли разъездного проповедника ненависти к «рюсся», в 1920-е гг. был довольно сильно разочарован тем приемом, который он получал на местах. Старое поколение относилось к этой идее АКС также скептически и не принимало ее, нередко ее морально осуждали. Другое дело, что представления о характере создаваемой большевизмом угрозы вызывали реальные опасения. Есть причина еще раз подчеркнуть, что Советский Союз в 1939 г. был единственным государством, которое, как было известно, прибегало к массовому террору. Известно было и то, что все финское там преследовалось, и бежавшие в эту страну финские рабочие оказались жертвами этого террора, хотя о его масштабах точными сведениями не располагали. Насколько известно по сводкам НКВД, осенью 1939 г., когда из городов было эвакуировано гражданское население, рабочие нередко считали страх буржуазии чрезмерным и испытывали ненужное раздражение. Когда бомбардировщики начали сбрасывать бомбы на детей и расстреливать из пулеметов незащитных гражданских людей, был открыт путь к гневу и упорному нежеланию подчиниться. Заискивание перед этой бескомпромиссной угрозой было психологически невозможным. Заключенный Москвой с Куусиненом договор показывал, что речь идет о том, чтобы получить все или ничего.

На угрозу и вмешательство реагировали гневом, что было нормальным. Напротив, та ненависть, которую изображал в своем романе «Избранный народ и земля обетованная» Эйно Райло, сфальшивила. В ней было что-то излишне искусственное, наставительное и политически корректное. Она напоминала некоторые сочинения в жанре социалистического реализма.

Фронтовики обижались, если их войну описывали высокопарными, пошлыми или пустыми стереотипами. Рюсся у Эйно Райло, так же, как и его герои-рабочие, вели свое происхождение из его фантазии. Насколько можно представить значение ненависти в современных текстах, описывавших Зимнюю войну, она оставалась на самом заднем плане. Прежде всего, противник — это опасность, устрашающая реальность. Враги у Райло — отвратительные низшие люди, но в действительности он их едва ли даже видел.

На противника во многих сочинениях этого времени направлена бессильная ярость, видно раздражение от этого настолько

бессмысленного и неоправданного нападения. В этих описаниях редко встречается мнение, что «ненавидимый» народ из-за враждебности каким-то образом коллективно считается неполноценным. Можно сказать, что принцип Райло, подчеркивающий лишь его известный художественный вкус, — «происходит так, как было написано».

Вызвали ли войны у народов обоюдную ненависть? Несомненно, войны воспринимались и воспринимаются всеми нациями как травма, вызывающая гнев. Попрание жизни, собственности, прав доставляет горечь, которая требует разрядки. Но когда угроза устранена, устраняется и основа для ненависти. Желание мести является явно возможным фактором угрозы также в отношениях наций и, со своей стороны, разжигает угрозу и обиду. Стабилизация международных отношений и устранение угрозы влечет, однако, исчезновение ненависти. Обиды можно простить или забыть. Ныне, когда со времени тех событий сменилось уже два поколения, также пришло время просить извинений. Парадоксально, но это наиболее часто делают люди, которые не несут никакой личной ответственности за сами дела.

Та ненависть к «рюся», которая связана с историей первых десятилетий независимости и остатки которой сохранялись до 1960-х гг., уже явно стала далекой историей. Эта ненависть была порождением известного социального заказа и с разных сторон активно использовалась. Если после войны произошла смена поколений, а в нашей стране все еще иногда говорится о царящей ненависти к «рюся», то речь идет об образном обороте речи или же говорящий не понимает используемого термина. Ненависть, в том смысле, какой вкладывался в это понятие в 1921–1922 гг. во время народного восстания в Карелии, в 1918 г. или во время войн 1939–1945 гг., была, несомненно, агрессивной, ею отвечали на угрозу. Из ненависти стремились создать основу для объединяющей финнов националистической веры. Как способ управления прошлым, она была в свое время модным образом мышления, у которого было за восточной границей почти точное, зеркальное соответствие. Ненависть была грубым поведением в грубое время. Она, разумеется, была естественной, но получила постыдные формы и стала мерзостью, как и все естественные проявления, которые стремятся туда, где в цивилизованном обществе им места нет. Возвышение ненависти до добродетели и ее беззастенчивое подогревание по обе стороны границы были составной частью разлагающего периода болезни. Это было время, когда стремились заискивать перед огромными массами людей, чтобы увлечь их примитивными нуждами и страстями.